

М.Г. Качурин

«Бедная Лиза»

Грандиозный, не виданный еще в русской литературе читательский успех ждал публикацию Карамзина в «Московском журнале» — повесть «Бедная Лиза». Сейчас не так-то легко представить себе, какое это было повальное увлечение. Окрестности Симонова монастыря в Москве, где происходит действие повести, стали местом паломничества.

Теперь эта печальная повесть о крестьянке Лизе, обманутой дворянином Эрастом и бросившейся в пруд, написанная плавным, прозрачным, разве чуть-чуть архаичным языком, — достояние истории литературы. Правда, постановка ее на сцене Ленинградского Академического театра имени А.М. Горького была прекрасно принята зрителями в конце 70-х — начале 80-х годов XX века, но все же широкий интерес к «Бедной Лизе» сегодня трудно себе представить. Однако существуют читатели, которым интересна литература в целом — в ее движении. А как раз «Бедная Лиза» в этом отношении вещь крайне интересная, потому что понимание ее в наше время резко меняется.

Долгие годы, вплоть до 1980-х годов, в критике господствовало мнение, что в повести дается не социальное, а моралистическое истолкование событий, что социальный конфликт в ней затушеван. В 80-х же годах широкое распространение получает суждение противоположное: Карамзин изображает Лизу и Эраста с симпатией и сочувствием, он отмечает положительные черты их характеров и этим утверждает, что причина трагической развязки повести не в личных свойствах героев, а в существующем социальном устройстве общества, в том, что Эраст — дворянин, а Лиза — крестьянка.

Поворот оказался таким крутым, что возник новый перекосяк. У Карамзина трагедия, несомненно, связана и с личными свойствами героев. Но отраднее, что рушатся предвзятые мнения, что книги постепенно начинают восприниматься так, как они написаны.

Чтение карамзинской повести легко обнаруживает, что автор внимателен и точен, когда касается социального положения своих героев:

«Отец Лизы был довольно зажиточный поселянин, потому что он любил работу, пахал хорошо землю и вел всегда трезвую жизнь. Но скоро по смерти его жена и дочь обедняли. Ленивая рука наемника худо обрабатывала поле, и хлеб перестал хорошо родиться. Они принуждены были отдавать свою землю внаем и за весьма небольшие деньги».

Все эти детали вполне отвечают тому, что могло происходить в семье государственного крестьянина (то есть принадлежащего непосредственно правительству и более свободного, чем барский крестьянин). Столь же достоверно и четко сказано об Эрасте:

«...сей Эраст был довольно богатый дворянин, с изрядным разумом и добрым сердцем, добрым от природы, но слабым и ветреным. Он вел рассеянную жизнь, думал только о своем удовольствии, искал его в светских забавах, но часто не находил: скучал и жаловался на судьбу свою».

Трагическая развязка повести, несомненно, связана с проклятием социального неравенства. Эраст не только как человек слабый, но именно как человек, привыкший к богатству и дорожающий им больше всего, погубил и Лизу и себя: она, преданная любимым, бросилась в пруд, а он, «продав себя» богатой пожилой вдове, «был до конца жизни своей несчастлив. Узнав о судьбе Лизиной, он не мог утешиться и почитал себя убийцею».

Но у Карамзина социальные оценки — лишь один из моментов в исследовании внутренней жизни персонажей. «Бедная Лиза» захватывает тем, что читатель шаг за шагом входит в мир человеческих переживаний, и не только внимает автору, но и сам о многом

догадывается. Точно найденные писателем внешние проявления переживаний позволяют понять и то, что происходит в душе героев.

«Луга покрылись цветами, и Лиза пришла в Москву с ландышами. Молодой, хорошо одетый человек, приятного вида, встретился ей на улице. Она показала ему цветы — и покраснелась».

Вот он — момент зарождения первого чувства. И ландыши здесь удивительно к месту: это весенние лесные цветы, а у Лизы — весна жизни. Возникает разговор. Восхищенный молодой человек протягивает рубль вместо пяти копеек, и каждое слово, каждый жест обретает внутренний смысл, невольно и незаметно сближает героев, заставляет сильнее биться их сердца:

«Лиза удивилась, осмелилась взглянуть на молодого человека — еще более покраснелась и, потупив глаза в землю, сказала, что она не возьмет рубля».

Читатель оказывался наблюдательным и чутким сердцеведом, — это было ново для него. Вот Лиза рассказывает матери: «У него такое доброе лицо, такой голос...», — и читатель догадывается, что образ молодого человека неотступно перед глазами Лизы. Теперь уже для него она собирает ландыши, в надежде встретить его идет в Москву. Новая встреча не состоялась — огорчение и грусть тоже питают любовь. А когда он неожиданно приходит сам, Лиза подает ему трепетными руками стакан молока — и нельзя не почувствовать, что вместе с молоком вручено навсегда и сердце.

Вспомните знакомую вам с детства повесть Л. Толстого «Кавказский пленник». Героиня ее, Дина, девочка лет двенадцати, принесла Жилину кувшинчик молока и так обрадовалась, была даже счастлива, когда он выпил молоко и сказал: «Хорошо!» Так проявилась впервые ее симпатия к чужому человеку, на которого прежде смотрела она «как на зверя какого». Неизвестно, помнил ли Толстой Карамзина, когда писал свою повесть. Но карамзинская деталь долговечна, потому что точна: чаще всего любят того, кому делают добро.

Столь же точно изображает Карамзин и огонь юной любви. Читатель чувствует, что теперь уже никакие доводы рассудка Лизе не помогут. Она прекрасно знает, что молодой барин — не пара крестьянке, в глубине ее счастливого сердца подспудно живет предчувствие беды и боли, но это лишь усиливает любовь.

Детальнейшим образом прослеживает писатель и движение, происходящее во внутреннем мире Эраста. У автора нет стремления обличать. Ведь Эраст действительно полон самых добрых намерений, хочет чистых отношений и верит (или убеждает себя), что будет «жить с Лизой, как с сестрой». В тоне повествования трудно не ощутить иронию — она едва заметна, но оттого еще более действенна. Молодому человеку наскучили светские забавы, он охотно воображает себя героем идиллии, любовь Лизы кажется ему зовом природы.

«Натура призывает меня в свои объятия, к чистым своим радостям», — думал он, и решился — по крайней мере на время — оставить большой свет».

Карамзин точно уловил настроение определенной части дворянской молодежи (и вовсе не худшей части!). Мы еще будем узнавать разочарованного Эраста в героях Пушкина, Лермонтова, Герцена, Гончарова... Неудовлетворенность праздной и пошлой жизнью, теми любовными ухищрениями и развлечениями, о которых рассказал П. Талеман в романе «Путешествие на остров любви», стремление к естественным радостям жизни — все это было столь же искренне, сколь надуманно и непрочно. Писатель чуть заметно (манера его вообще легка, прозрачна, подобна акварели) намекает на это словами: «по крайней мере на время». Эта едва ощутимая ирония сопровождает все, что рассказывается об Эрасте.

«Как я счастлива, и как обрадуется матушка, когда узнает, что ты меня любишь!» — «Ах нет, Лиза! Ей не надобно ничего сказывать». — «Для чего же?» — «Старые люди бывают подозрительны. Она вообразит себе что-нибудь худое»».

Читатель мгновенно улавливает эту находчивую, но едва ли намеренную хитрость. Влюбленные впервые признались друг другу. А беда уж идет. И в следующей сцене торжество любви есть одновременно и гибель любви:

«Однако же тебе нельзя быть моим мужем!» — сказала Лиза с тихим вздохом. — «Почему же?» — «Я крестьянка». — «Ты обижаешь меня. Для твоего друга важнее всего душа, чувствительная невинная душа, — и Лиза будет всегда ближайшая к моему сердцу».

Она бросилась в его объятия — и в сей час надлежало погибнуть непорочности».

Поразительно тонко здесь изображено умение обманываться и обманывать невольно — или почти невольно. Лжет ли Эраст? Нет. Но он так отвечает Лизе на ее сомнения, что она слышит то, что жаждет услышать, а он уходит от обещания, которое могло бы связать его. И все, что происходит далее, — нежность, недоумение, потрясенность Лизы, не понимающей, что с нею, едва заметное отчуждение Эраста, для которого Лиза вдруг перестала быть «сим ангелом непорочности, который прежде воспалил его воображение и восхищал душу», — все погружает читателя в историю и обыденную (недаром прохожие «коварно усмехались», наблюдая первую встречу Лизы и Эраста), и происходящую впервые.

Захваченный рассказом читатель чувствует себя другом и единомышленником Повествователя. Поначалу он, Повествователь, может показаться излишне чувствительным, его частое «Ах!» способно вызвать у современного читателя усмешку. Но у первых читателей было иное впечатление: они, не отделяя Повествователя от автора, видели истинно благородного человека и восхищались им. Да и сегодняшний читатель способен оценить отзывчивость и милосердие, столь ощутимые в образе Повествователя.

Карамзин изображает трагедию самозабвенной любви и ненамеренного, но тем более коварного предательства. Печальные ноты вплетаются в повествование с первых слов, когда Повествователь упоминает «мрачно готические башни» монастыря и «ужасную громаду домов и церквей» виднеющейся вдали Москвы. Свет и мрак перемешиваются и борются друг с другом постоянно, пока вся повесть не кончается гибелью Лизы, ее матери и отчаянием проклинаящего себя Эраста.